Стенограмма Круглого стола: «Текущая политическая ситуация и неправительственный сектор »

Стенограмма Круглого стола: «Текущая политическая ситуация и неправительственный сектор »

19.06.2013

14 июня в Институте общественной политики состоялся Круглый стол на тему: «Текущая политическая ситуация и неправительственный сектор ».

Модератор: Мээрим Шамудинова, Институт общественной политики

Спикеры:

Динара Ошурахунова, руководитель Коалиции «За демократию и гражданское общество»
Алексей Красин, руководитель стратегических проектов НКО «Агентство по развитию местного самоуправления»
Валентин Богатырев, руководитель аналитического консорциума «Перспектива»
Шерадил Бактыгулов, эксперт по государственному управлению

Участники:

Фидана Алиева, Центр медиации и правовых технологий
Эльмира Арапова, руководитель юридической клиники «Адам жана укук»
Ноокатбек Идрисов, юридический консультант Международного центра некоммерческого права (ICNL)

Муратбек Иманалиев, президент Института общественной политики
Гулсина Кожоярова, президент Центра медиации и правовых технологий
Анар Мусабаева, политический аналитик
Эдил Осмонбетов, независимый эксперт
Улан Рыскельдиев, эксперт
Бубусара Рыскулова, директор кризисного центра «Сезим»
Нурлан Садыков, директор Института конституционной политики
Майрам Тилебалиева, руководитель ОО «Даршайым»
Назгуль Турдубекова, руководитель ОФ «Лига защитников прав ребенка»
Адиль Турдукулов, председатель правления ОФ «Фонд Прогресса»

Мээрим Шамудинова обозначила тему Круглого стола и представила спикеров.

Динара Ошурахунова: Здравствуйте, уважаемые участники Круглого стола. Благодарю за предоставленное слово.

Неправительственный сектор продолжает играть огромную роль в общественной, политической жизни нашей страны. Я заметила, что когда у нас происходили ситуации, связанные с изменениями во властных структурах, неправительственный сектор становился авангардом.

Давайте вспомним 2005 год, когда после мартовских событий именно неправительственный сектор инициировал большой апрельский форум-диалог, где собрались разные политические, общественные деятели из всех регионов. Мы обсуждали то, какие проблемы стоят перед страной и как нужно их решать. Мы провели большой трехдневный форум, на котором на тот момент исполняющему обязанности президента Курманбеку Бакиеву вручили список проблем с определенными рекомендациями о том, как их решать, и спокойно разошлись домой. После проделанной нами

работы мы разъехались по своим городам, занялись проектами, перестали ввязываться в общественно-политическую жизнь страны, считая, что сделанного нами достаточно для того, чтобы все проблемы были решены.

Как оказалось, тогда мы сделали очень большую ошибку, мы упустили очень многие моменты, некоторые принципы соблюдения демократии и прав человека были упущены. Прошел референдум, после которого была установлена авторитарная система.

Неправительственный сектор также активизировался в 2010 году, когда произошли апрельские и июньские события. Именно неправительственный сектор организовал Комитет гражданского контроля, куда вошли несколько десятков неправительственных организаций, представители которых каждый день собирались и проделывали необходимую работу. Мы прорабатывали очень много различных стратегий, встречались с Временным правительством, к нам приходили видные политические, общественные деятели, которые хотели сотрудничать. Я помню, как кто-то в шутку назвал нас «теневым» правительством.

Когда были избраны парламентарии и президент, неправительственный сектор признал, что в стране есть легитимная власть, и отдал все в ее руки, и опять все стали работать по своим направлениям.

Я хочу сказать, что эти события всколыхнули большую массу различных активистов. Мы видим, что есть совершенно разные группы, которые сейчас оказывают влияние на власть, но неправительственный сектор стоит обособленно, отдельно.

Наверное, в неправительственном секторе есть какая-то инертность, то есть если раньше, при Бакиеве, считалось смелым сказать, что есть проблемы и власть не права, то сейчас такой проблемы, в принципе, не существует. Но, тем не менее,

неправительственный сектор в этом отношении сильно не изменился, он также продолжает заявлять, критиковать. Мы должны признать, что неправительственный сектор может отстаивать какие-то принципы, процедуры, а что и как дальше делать, не знает.

Я говорю об этом исходя из своего опыта, раньше я входила в независимую гражданскую комиссию по формированию финансовой полиции, сейчас я вхожу в комиссию по аттестации сотрудников государственной автоинспекции.

Как оказалось, в этой сфере много проблем, о которых мы не думали, так как видели только верхушку айсберга, сейчас мы начинаем рассматривать эти проблемы изнутри и не знаем, как их решать, нет готовых ответов, что можно и нужно сделать. Есть один обобщенный ответ – нужны реформы. В каком направлении проводить эти реформы, очень сложно понять.

Проблема также и в том, что неправительственный сектор сепаратирован. Есть совершенно разные, отдельные направления и позиции, которые были замечены еще в 2010 году, когда были те, кто «за», и те, кто «против» референдума.

Эта проблема осталась до сих пор. Некоторые вспоминают о том, что предсказывали кризис и отмечают, что на данный момент ситуация ухудшилась.

Ясно, что сейчас стало действительно плохо, но как быть?

Мы все понимаем, что наша страна не состоялась как страна с парламентской формой правления не в силу того, что только у граждан нет понимания данной системы, этого понимания нет и в парламенте, так как он не отстаивает ее.

Мы видим, как парламент теряет свои позиции, свой авторитет. Наверное, это произошло как раз в то время, когда была создана Антикоррупционная служба ГКНБ, которая начала возбуждать уголовные дела в отношении депутатов, и мы увидели, что депутатская неприкосновенность – это просто формальность.

Здесь возникли разногласия по поводу того, что арест депутатов влияет на независимость парламента как института. Но были и те, кто сказал, что эти депутаты – коррупционеры, и они должны нести ответственность. В этой ситуации найти баланс, где истина, а где ложь, тоже очень сложно. По этому поводу не происходит дискуссий ни в обществе, ни внутри неправительственного сектора.

В апреле 2010 года мы срочно организовали форум для проведения диалога, но после этого форума никакого диалога, коммуникации внутри неправительственного сектора нет, хотя мы сами хотели бы обсудить и понять, что происходит с неправительственным сектором. Есть лидеры неправительственного сектора, есть какие-то отдельные молодые активисты, но связи и взаимодействия между ними нет. Большой вопрос: почему это происходит?

Мы стараемся не задевать независимость своих коллег из неправительственного сектора, все понимаем, что нужно начинать диалог, но никто не начинает его первым.

В целом, что можно сказать о текущей политической ситуации? Мы предрекали, что выборы по партийному принципу загубят местное самоуправление, и мы это видим как раз сейчас. Но вместо того, чтобы начать процесс укрепления местного самоуправления, премьер-министр заявляет о том, что децентрализация – это плохо, и нужно усилить акимиаты и губернаторов.

Муратбек Иманалиев говорил о том, что мы упустили из виду

ситуацию, сложившуюся в сфере религии, и не уделяли должного внимания наблюдению за развитием религиозных организаций.

Сейчас мы видим последствия данного упущения. Государственная служба финансовой разведки при Правительстве Кыргызской Республики пытается инициировать Закон КР «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию террористической или экстремистской деятельности». Мы наконец-то увидели, что религиозные организации регистрируются так же, как и неправительственные организации, но при этом отношение к ним совершенно другое: они не платят налоги, руководствуются не Конституцией, а религией. У власти нет понимания о том, что необходимо разделять деятельность светских НПО и религиозных.

Я присутствовала на Круглых столах по обсуждению Закона «О религиозном образовании и религиозных учебных заведениях» и заметила, что религиозные лидеры стали более уверены в том, что они все делают правильно. Если раньше на Круглых столах они скромно себя вели и старались отмалчиваться, то сейчас они настроены очень решительно. Если государство хочет ограничить деятельность неправительственного сектора, то здесь интересы религиозных и светских неправительственных организаций совпадают, и мы можем объединяться.

У нас в обществе сложилось очень много стереотипов. В неправительственном секторе это то, что мы боимся религиозных организаций, а они, в свою очередь, боятся светских организаций. Мы не хотим налаживать коммуникацию, но когда ситуация вынудила нас обсуждать проблемы, оказалось, что у нас много общего, но просто разные подходы к решению проблем, за которые мы переживаем.

Точно также в государственных структурах имеются стереотипы по отношению к неправительственному сектору, а у НПО-сектора имеются стереотипы в отношении государственных органов. При

совместной работе, при взаимодействии эти стереотипы стираются. Государственные органы начинают понимать, что неправительственный сектор – это не просто «критиканы», «грантоеды» и «шпионы западных стран», а такие же люди, которые могут помочь государству.

Я хотела бы сказать несколько слов об информационном поле. В 2010 году мы уже проговаривали, что нам нужно работать с информацией, потому что независимого информационного поля у нас нет. Государство абсолютно не умеет предоставлять качественную информацию, поэтому мы все зависим от средств массовой информации и видим друг друга через призму информационных агентств.

Алексей Красин: Приветствую участников Круглого стола. Хочу предупредить: то, что я здесь скажу, – это мое экспертное мнение, которое является рассуждением о возможном месте неправительственных организаций, проблемах определения этого места в том кризисном периоде, в котором сейчас находится Кыргызстан.

Прежде чем говорить о неправительственных организациях, хотелось бы определить предмет нашего разговора. Ведь неправительственные организации в соответствии с Законом «О некоммерческих организациях», или, как их называют на Западе, NGO (Non-governmental organization), на самом деле это достаточно широкий спектр, и надо понимать, что разница между Коалицией «За демократию и гражданское общество» и садоводческим кооперативом «Горный», в котором я состою, колоссальная. Но, тем не менее, обе организации являются некоммерческими.

Поэтому я бы ввел термин, который определял, о каких некоммерческих организациях ведется речь.

Мне нравится тот классификатор, который дают отечественные эксперты, это так называемые ООП (Организация общественной пользы) и ОВВ (Организация взаимной выгоды). Мы ведем речь о тех организациях, которые относятся к Организациям общественной пользы.

Но опять-таки за каждое слово нужно отвечать, соответственно, если мы пометили эти организации как Организации общественной пользы, то надо посмотреть, какая же от них общественная польза.

Здесь я для себя построил логическую конструкцию, в которой попытался с этим разобраться. Государство за первые 10 лет суверенизации накопило огромный балласт проблем, решить который самостоятельно было не в состоянии. С первой половины 2000 года накопление этих проблем приняло кризисный характер. С 2005 года государство вступило в бесконечную полосу разрывов и провалов в управлении страной.

Если исходить из понимания гражданского сектора, той его части, о которой мы говорим как об Организациях общественной пользы, то эта часть организаций, с точки зрения управления страной, государством и населением, должна была стать ресурсом преодоления провалов и заполнения разрывов в управлении, которые произошли у наших высших сил из Белого дома.

Надо констатировать, что не удалось выстроить сотрудничество и конструктивное взаимодействие.

Динара Ошурахунова говорила о том, что во власти есть определенный стереотип в отношении гражданского сектора («грантоеды», чуть ли не враги народа). В российской интерпретации это вообще иностранные агенты, засланцы. Понятно, что Россия может позволить себе такое нерачительное использование общественного человеческого ресурса, поскольку

пока там есть достаточное количество углеводородов, чего не достает, можно купить или завести в виде мигрантов из того же Кыргызстана или Узбекистана, откуда угодно.

Мы, к сожалению такой роскоши не имеем. Нам нужно задумываться над тем, как рачительно и наиболее эффективно использовать тот потенциал, который оставался в стране после развала Советского Союза, тот потенциал, который был создан во время периода демократизации. Здесь надо отметить, что этот потенциал, на мой взгляд, да и по оценке многих экспертов, является передовым не только в Средней Азии. Если сравнивать с Российской Федерацией, где я частенько бывал последние два года, то меня поразило, насколько там латентное население, как какой-то больной, которого только что вывели из комы.

Надо сказать, что и наши достаточно отчаянные джигиты, попадая туда, начинают уныло класть брусчатку, делать ремонты, то есть соответствуют этому «аморфному» состоянию, когда трудно решить не только общественные проблемы, но даже и проблемы своего коммунального существования в виде выстраивания взаимоотношений с городскими структурами самого низшего звена.

Сравнив ситуацию здесь и там на «собственной шкуре», я для себя понял, что есть огромная польза от того, что у нас в стране происходило все эти годы с точки зрения активизации населения, появления различных гражданских инициатив.

Но, как специалист в государственном и муниципальном управлении, все-таки вынужден констатировать, что этой пользы недостаточно для того, чтобы помочь нашей стране эффективно двигаться вперед. Польза от гражданского сектора поступает в виде «удобрения среды». То есть да, мы чувствуем себя гораздо свободнее, чем граждане в Казахстане и в России, мы можем говорить многое, владеем различными общественными

технологиями, которыми не владеют наши коллеги в каких-то сравнимых странах, я имею в виду страны постсоветских режимов, но, тем не менее, в реальном проблемном поле движения страны польза от гражданского общества явно недостаточна.

Не получилось сотрудничества, конструктивного взаимодействия между властью и той частью гражданского сектора – Организациями общественной пользы, – которые будут сегодня говорить. Более того, из моего опыта работы в этом секторе каждый из них: и власть, и гражданское общество, я говорю о профессиональных организациях Общественной пользы, нацелены на карьеру на своей «поляне».

Распилы бюджетов, в одном случае государственного, в другом случае – грантовых бюджетов научились делать очень эффективно, и доноры довольны, и уголовные дела на чиновников заводятся с трудом, то есть это делают профессионально, красиво и эффективно, с точки зрения бенефициариев этого процесса.

С точки зрения граждан страны, с точки зрения некоей виртуальной пользы развития и выживания государства в кризисных ситуациях, к сожалению, польза не пропорциональна тем ресурсам, которые ее обеспечивают.

Меня в IPP попросили написать статью по этому поводу. Статья получилась длинная, но она не охватила всей проблематики, о которой хотелось бы подробно рассказать. Она, на мой взгляд, может породить какой-то дискусс, фрагментировать какие-то направления обсуждений, но я ни в коем случае не претендую на то, чтобы закрыть вопрос полностью своими рассуждениями, поэтому прошу прощения, что выступление несколько тезисное.

Я хочу только пометить поле дискусса. В этом плане понятно, почему Организации общественной пользы, то есть те, которые в публичном пространстве, в общественном мнении называют

неправительственными организациями, те, которые на слуху в средствах массовой информации, в обсуждениях, в выступлениях чиновников вызывают опасения у органов власти. По одной простой причине: данные Организации общественной пользы замахиваются на святое, на то, чтобы участвовать в процессе принятия решений, процессе, который был многие века таинством власти, и вдруг, в нашей современной ситуации, с точки зрения государственных чиновников какие-то «профаны» туда вторгаются и пытаются этот процесс вытащить из тени (но это в идеале – вытащить из тени).

В реальности все происходит, как в фильме братьев Вайнеров («Место встречи изменить нельзя»), когда милиционер поймал вора-рецидивиста и тот ему жалуется, что раньше «мент» гонялся за мной, потому что хотел меня посадить, а сейчас он гоняется за мной, чтобы войти в долю.

Меня очень часто стало преследовать дежавю: когда смотришь на действия наших некоторых политически ангажированных неправительственных Организаций общественной пользы, такое ощущение, что они реально хотят войти в долю или попасть в этот институт власти, чтобы укорениться.

В этом плане существует обмен «полянами», когда кто-то из государственных структур уходит в НПО и благополучно становится кем-то, а кто-то из гражданского сектора становится достаточно успешным чиновником, пилящим бюджеты. Это даже происходит на уровне достаточно известных персон.

В этом плане возникает вопрос: а где, на самом деле, эффективная отечественная модель взаимоотношения власти и гражданского сектора? Модель ведь не произвели, и живем в процессе, когда есть «слон» в виде власти, и «моська» в виде гражданского сектора, потом в какой-то период они поменялись местами, и теперь власть, как «моська», которая бегает от

гражданского сектора. Но модель все равно не сложилась.

Модель выстраивается очень просто. Есть, например, эффективные процедуры размещения государственных заказов в гражданском секторе, чтобы не было истерики, похожей на российскую, которая могла у нас начаться, что, мол, пытаются развить страну в ненужном направлении за деньги иностранных организаций. Ради Бога, давайте развивать за деньги наших отечественных организаций.

Мы пытались в городе Бишкек запустить систему стимулирующих грантов местного самоуправления, она просуществовала семь лет и умерла при двух последних мэрах до Омуркулова, как только они поняли, что никаких откатов с этой системы получить нельзя, так как слишком много людей принимают участие в процессе принятия решений. Такие модели пока не нужны в этой стране, и в том, что они не нужны, на мой взгляд, виноват гражданский сектор.

В этом плане понятно, что и в гражданском секторе, в этих организациях, о которых мы говорим, и в государственном секторе работают одни и те же люди, наши граждане, у которых в голове все то же самое. И поэтому хорошо, что неправительственный сектор стал одной из систем власти в стране, потому что власть он имеет реальную и может в каких-то ситуациях говорить на равных с той властью, которая прописана конституционно.

С другой стороны, и та и другая системы власти: и публичная, и гражданская, и государственная - больны одними и теми же болезнями.

Что делать? На мой взгляд, надо первым делом начать обсуждать, обсуждать это как ресурсы, которые мы создали за постсоветское время, и возможности, которые мы все закрываем, используя все

эти ресурсы, в основном, для личных карьер, для зарабатывания денег и забывая о родине, об отчизне, обо всех тех словах, которые громко произносятся нашими политиками.

Наверное, надо гражданскому сектору заняться продвижением интересов не корпоративных и секторальных, а государственных.

Валентин Богатырев: Я хочу высказать несколько соображений по поводу того, что происходит в гражданском обществе.

Блок 1.

2010 год как конец политической истории НПО. Новый статус старых НПО. Гражданское общество как элемент власти.

Неправительственный сектор у нас родился и развивался как существо политическое. Практически вся публичная история НПО – это история политической борьбы, независимо от того, касалось ли это избирательных систем, или структуры и функций правительства, или даже местных ассоциаций, советов микрорайонов. 20 лет НПО были известны и знамениты, и заработали весь свой капитал на том, что занимались политикой.

Приход новой власти, позиционирующейся как демократическая, стал концом политической истории кыргызских НПО. Эта власть в силу своих взглядов и подходов включила НПО в структуру управления за счет некоторых механизмов и процедур, прежде всего – Общественных наблюдательных советов при министерствах, Советов по отбору судей, придания статуса общественного госТВ, включения представителей НПО в структуры, осуществляющие реформирование (ДПС, МВД и так далее).

Те организации, которые представляли гражданское общество, стали, по существу, элементами структуры власти.

Блок 2.

Гражданское общество потеряло повестку дня. Тема сопротивления власти, защиты политических прав ушла.

С введением партийного механизма формирования власти заметно снизалась роль НПО в политической сфере. Гражданское общество потеряло ту повестку дня, которая всегда была основой внимания к нему, основой его привлекательности и статуса в обществе. Тема защиты прав человека, защиты политических прав отошла на второй план и локализовалась по времени и предмету проявления – только в период выборных или других политических кампаний.

Правозащитники, которые раньше находились в мэйнстриме общественного сопротивления режимам власти, теперь, продолжая двигаться по инерции, следовать прежней логике, порой оказались защитниками политических маргиналов.

Блок 3.

Гражданское общество без граждан. НПО как отрасль народного хозяйства.

По разным оценкам, в районе 90 процентов реально действующих НПО – финансируемые внешними спонсорами организации. Бессмысленное деление, которое привел Алексей Красин. Не бывает ООП без ОВВ.

Даже такие сети, основанные на реальных социальных проблемах, как «Ресурсные центры для пожилых» Светланы Баштовенко или Гражданская партнерская платформа «ЦА в движении», занимающаяся трудовыми мигрантами, основным источником финансирования имеет ресурсы внешних доноров.

В стране практически нет неправительственных организаций, которые существовали бы достаточно длительное время на собственных ресурсах, на собственной активности граждан. Ситуация с передачей функций финансирования от внешних источников к государственным ничего здесь не поменяет. Какая разница: какое государство платит?

Факт в том, что в любом случае граждан там нет, там просто ресурсы доноров. Это своеобразное гражданское общество без граждан, некоторая отрасль по осваиванию рынка внешних ресурсов.

Блок 4.

Гражданское общество без будущего. Торжество патернализма. Барымта.

Несмотря на то, что прошло 20 лет после Советского Союза, общество мало изменилось. По-прежнему большинство населения не имеет активной гражданской позиции и не привыкло, не хочет защищать свои права.

Сегодня в городе Бишкек каждый день в каком-либо районе нет света или воды. И мы все к этому привыкли. Никто из нас не защищает свои простые гражданские права. Своеобразной формой гражданской активности является барымта, мародерство. Не защищать свое, а отбирать чужое – вот в чем начинает проявляться форма гражданской активности. Именно эта форма социальной активности, подобно коррозии, выедает, вытесняет отстаивание своих прав. Нет смысла добиваться долго и утомительно, чтобы энергокомпании отвечали за отключения света или тепла, транспортники и городские власти – за состояние дорог, проще наехать на иностранную компанию, на богатых, вступить в коррупционный сговор с контролером и получить или сохранить часть доходов. Люди начинают думать, что выгодней не

бороться с энергокомпанией, а договориться с контролером – это вещь, которая убивает гражданскую активность.

Блок 5. Сценарий оптимизма, или что надо сделать, чтобы появилось гражданское общество.

1. Остановить донорское финансирование неправительственных организаций.

Это не означает, что надо прекратить поддержку позитивных процессов, реформ, трансформации общества различными донорами. Но надо делать это не через гражданское общество, через промоушинговые или адвокаси компании: платить деньги профессионалам, которые будут заниматься продвижением, лоббированием и защитой.

2. Поменять повестку дня. Перенести акценты развития активности гражданского общества с политической сферы в бытовую. Только там сейчас существуют интересы людей. Любые попытки представлять политические интересы сейчас очень легко спекуляризирутся, ангажируются различными организациями, и не дают никакого результата. Если мы не поднимем эту низовую активность людей, связанных с решением их повседневных проблем, у нас гражданского общества не будет.

3. Обратить внимание на новые формы активности – в социальных сетях.

4. «Раздать гражданам оружие». Гражданское общество в Америке появилось только потому, что у людей было оружие в руках и было право стрелять из него, потому что иначе гражданская активность не появляется. Я не имею в виду, что необходимо реально раздать оружие и около 200 лет убивать друг друга, потом воспитаем чувство ответственности и страха, что нельзя трогать чужую собственность, нельзя нарушать чужие права,

иначе ты получишь пулю в лоб. На этом выросло американское общество, мы эту фазу не прошли.

Необходимо ввести в законодательство приоритетное право на самозащиту, на защиту собственности, безусловную, по умолчанию, ответственность поставщиков товаров и услуг, приоритетное право общины перед государством. Реальные права человека должны быть первыми и безусловными правами. Не мы должны доказывать энергетикам, что свет был отключен и мы поэтому не платим, а они пришли и обесточили наше жилье; они должны доказать нам, что они имели право выключить свет.

5. При всей кажущейся опасности сепаратизма, проявлениях местничества нужно не только продолжать, но и резко увеличить усилия по поддержке местного самоуправления и самых разных форм активности на местном уровне. Нужны изменения в законодательстве, увеличивающие права общин, организаций местного самоуправления, структур гражданского общества. Если мы не пройдем фазу становления гражданской активности именно на низах, в селах, жилых кварталах, мы никогда не увидим гражданского общества в нашей стране.

Проблема с неправительственным сектором в том, что мы начали строить дом сверху.

Шерадил Бактыгулов: НКО-сектор сегодня переживает кризис среднего возраста

Согласно Единому государственному реестру юридических лиц, филиалов (представительств), с 1997 г. по 2011 г. Минюстом КР зарегистрировано около 16500 некоммерческих организаций (НКО).

Из буквы закона следует, что юридические лица, являющиеся некоммерческими организациями, могут создаваться в форме кредитных союзов, негосударственных пенсионных фондов,

некоммерческих кооперативов, общественных объединений, общественных фондов, объединений юридических лиц, профессиональных союзов, политических партий, религиозных организаций, территориальных общественных самоуправлений, учреждений.

Так сложилось, что под НКО-сектором чаще всего подразумевают общественные объединения, фонды, учреждения и объединения юридических лиц. О них и пойдет речь далее, хотя речь о количестве НКО вести тяжело. Последние достоверные сведения относятся к 2006 году.

В том году, по данным опроса АЦПГО, в Кыргызстане было более 8 тыс. НПО, так ранее назывались НКО. Из них наиболее активными были 514 НКО, что составило 6 % от зарегистрированных НКО.

Предположим, что двукратное увеличение НКО привело к двукратному увеличению количества активных НКО. Получается весьма приблизительная цифра – около одной тысячи активных НКО, о которых мы привыкли говорить. На практике их может быть гораздо меньше или больше. Тем не менее, хотелось бы иметь цифру, дающую представление о масштабах явления.

Что мы имеем для сектора НКО в 2013 году?

Для начала приведу результаты опроса на сайте K-news от 11 июня 2013 года. Методология опроса и ее репрезентативность (на момент подготовки выступления – 155 чел.) далеки от идеальных, но, тем не менее, это тоже интересные цифры.

Был задан вопрос: Эффективны ли НПО в Кыргызстане? Вот какие ответы получены:

- Да, они выполняют ряд важных функций для развития

общества – 41 голос (26 %).

- Нет, они – агенты влияния, а их цель – отмывание грантов – 69 голосов (44 %).
- Не замечаю особых результатов их деятельности – 45 голосов (29 %).

Эти ответы подтверждаются результатами исследованиями НКО-сектора, которые ведутся в Кыргызстане, как минимум, с 1999 года (E.Kazybekov, ‘Government and Non-profit sector Relations in Kyrgyz Republic’ in H.Ruffin and D.Waugh (eds), Civil Society in Central Asia, Seattle: University of Washington Press; Кыргызстан на современном этапе развития, Центр социальных исследований АУЦА, 2008 г., опрос АЦПГО «Сектор НПО в цифрах и фактах», 2006 г., К.Жайлобаева, НПО в Кыргызстане и т.д.).

Можно констатировать, что с 2004 года стали доминировать следующие мнения о НКО.

1. Иностранные агенты. Наиболее ярко это прослеживается в роли НКО «Кел-кел» в качестве зачинщика мартовских событий 2005 года, а также в роли общественных объединений оппозиции в апрельских событиях 2010 года и после них. К слову, многие из них ушли в небытие, а ярлык живет уже применительно к другим НКО.

2. Обезжирить и контролировать. Регулярно раздаются призывы провести оценку эффективности доноров и НКО. В 2009 году депутаты Жогорку Кенеша четвертого созыва инициировали проект закона о финансовой и иной подотчетности НКО, отдельные нормы которого реанимированы в 2013 году в проекте закона «О противодействии легализации (отмыванию) преступных доходов и финансированию террористической или экстремистской деятельности».

3. Словоблуды. После апрельских и июньских событий 2010 года в Кыргызстане стали считать, что НКО, щедро финансируемые Западом, в большинстве своем занимаются политическими вопросами. При этом считается, что инициированная НКО политическая активность бедных слоев населения приводит к социально-политическим потрясениям, а не к росту их благосостояния.

4. Грантоеды. Местные НКО ежегодно получают от доноров средства, превышающие годовой бюджет государственных учреждений или даже некоторых областей Кыргызстана, а результаты деятельности оставляют желать лучшего.

Можно по-разному относиться к складывающейся ситуации (к не всегда объективной критике и навешиванию ярлыков), но нам полезно осознать, что этот пристрастный перечень свидетельствует о двух кризисах в НКО-секторе.

Первый кризис связан с деятельностью донорских организаций в Кыргызстане. В 90-х годах прошлого века под влиянием доноров в стране появилась концепция гражданского общества.

В целях развития гражданского общества доноры способствовали развитию НКО, считая рост НКО признаком демократизации и развития гражданского общества.

Далее, концепция предполагает, что институты и объединения граждан, функционирующие между государством и человеком, должны создаваться на добровольной основе и сдерживать устремления государства по его монополизации.

Второй кризис связан с деятельностью НКО. Сегодня активные НКО переживают кризис среднего возраста, и если его не преодолеют, то будут стремительно приближаться к концу жизненного цикла организации. «Спящие» и «мертворожденные» НКО могут находиться

в анабиозном состоянии вечно, периодически «просыпаясь» для получения гранта. Но речь сегодня не о них. Речь о тех, чью работу хотелось бы видеть и далее.

Признаки кризиса

1. Некоторые НКО стали проектами продвижения во власть. Два руководителя НКО (А.Сасыкбаева, «Интербилим» и Н.Никитенко, «EdNet») стали депутатами Жогорку Кенеша, а молодежь из CAFMI организовалась в политическую партию «Реформа». Э.Байсалов, экс-руководитель секретариата Р.Отунбаевой во Временном правительстве, экс-зам.министра соцразвития.

2. От НКО ожидают масштабную благотворительную деятельность, например, с уязвимыми слоями населения. Однако такая работа проводится, но остается без внимания широкой общественности.

3. НКО не пользуются широкой поддержкой в обществе. Не более 16 % НКО (данные АЦПГО 2006 года) имеют более 100 членов, 38 % имеют 10 и менее человек. Волонтерская работа оставляет желать лучшего. Большинство волонтеров – школьники и студенты.

4. Отношения между НКО и государственными органами остаются неопределенными. Доноры являются связующим звеном между госорганами и НКО.

5. Отсутствие устойчивости. Главным источником финансирования НКО остаются донорские субсидии. Поэтому НКО приходится идти на поводу желаний доноров при реализации проектов. Наиболее известные НКО получают донорское финансирование из-за желания донора отрапортовать о хороших показателях в краткие сроки. Поэтому проще вложить деньги в известное НКО, нежели в малоизвестное.

6. Преследование НКО краткосрочных требований доноров и погоня за «возможностями для роста». НКО считают себя конкурентами. Вечная погоня за доходами приводит к работе по принципу «помогаем всем, чем можем», к потаканию прихотям доноров и преследованию многочисленных возможностей сослужить службу, преследуя сиюминутные выгоды, а, не следуя основной стратегии НКО.

Сценарии

Есть три сценария для НКО и доноров.

Первый сценарий – «Часовой на страже». Суть – оставить все как есть.

Второй сценарий – «Синее пламя». Забросить все и оставить НКО-сектор без поддержки лет на 5-7. Реальные НКО, с которыми можно будет дальше работать, останутся на плаву.

Третий сценарий – «Перезагрузка». Стержнем перезагрузки является привитие последовательности в работе НКО. Миссия НКО должна поддерживаться процессами, инструментами, знаниями и навыками.

Если у НКО нет возможности справиться с какой-то задачей, не выходя за рамки своей стратегии, лучше оставить это для кого-то другого.

Время и деньги не должны тратиться на якобы приносящие доход проекты. На самом деле они искажают суть дела и вносят серьезную долю нелогичности. Значит, придется отказываться от грантов, не соответствующих миссии и инструментарию НКО.

Вместо заключения

Местным НКО, стремящимся к совершенствованию своей работы, можно порекомендовать быть последовательными в выборе своей деятельности.

Надо найти ответы на вопросы о том, к примеру, в чем ваше НКО действительно преуспевает. Как между собой сочетаются преимущества вашего НКО и то, как вы ими пользуетесь? Как эти преимущества связаны со стратегическими целями НКО? Направлены ли ваши временные и денежные инвестиции в стратегическую сферу вашего НКО?

Этот выбор трудный и сложный. Однако игра стоит свеч, НКО смогут принести еще больше пользы стране и обществу и станут гораздо более привлекательными для финансирования, если их цели и донорское финансирование будут совпадать с интересами страны и общества.

Нокатбек Идрисов: Честно говоря, я расстроился, услышав два последних выступления. Мне кажется, что у спикеров недостаточно информации о развитии НПО-сектора, мне кажется, что наметилась положительная динамика.

Во-первых, во всем мире источники доходов НКО можно разделить на три вида: 1. Собственные доходы – доходы от бизнеса и членских взносов; 2 Доходы, получаемые от контрактов с государством; 3. Пожертвования и гранты. В нашей стране создана хорошая законодательная база для пожертвований и грантов. Нам нужно по примеру положительной международной практики создавать условия для двух остальных источников дохода. Например, получение доходов от бизнеса, получение доходов от контрактов с государством, в этом направлении мы сейчас и работаем.

На сайте парламента вывешен новый проект Закона «О благотворительных организациях и благотворительной

деятельности». Если его примут, то будут созданы условия для того, чтобы наши местные НПО имели возможность зарабатывать от предпринимательской деятельности, потому что в налоговом кодексе благотворительные организации освобождены от трех самых главных налогов – НДС, налога с продаж и налога на прибыль. Точно также мы сейчас работаем над проектами двух Законов «О государственных социальных и иных общественно-полезных проектах» и «О государственных социальных договорах». Эти законы создадут условия для того, чтобы НПО могли получать финансирование от государства и местных органов самоуправления. Мы создаем такие же условия, как в Европе, Америке и т.д.

Я не согласен с господином Богатыревым, который говорит, что общественные советы – это плохо. Общественные советы в той или иной форме существуют в большинстве стран мира, не только у нас. И если есть какие-то недостатки, то это не означает, что их надо ликвидировать, как думали недавно в Аппарате Президента. Надо устранять эти недостатки и делать их лучше, вводить нормы об устранении конфликта интересов.

Также вы предлагаете страшные вещи: раздать людям оружие. В Европе развитая демократия, высокий уровень жизни, и они живут без оружия, так же, как и мы. Для того чтобы стать демократической страной, необязательно иметь оружие. Надо быть оптимистами, а не пессимистами и все критиковать.

Назгуль Турдубекова: После того, как наша страна стала парламентской, неправительственные организации фактически перестали исполнять роль оппозиционных партий. Если раньше оппозиционных партий вообще не было, и они никак не выражали свою позицию, это делали смелые правозащитники, то сегодня стало меньше митингов со стороны правозащитных организаций. Это позитивная тенденция, когда неправительственные организации специализировались на определенной проблеме, они стали работать профессиональнее. Но сегодня власть не готова

решать проблемы сообщества, своих граждан.

Неправительственные организации вместо государственных органов разрабатывают стратегии, конкретные документы, потому что потенциал у государственных органов с каждым днем все ухудшается, и нас это беспокоит. Одной из основных причин данного ухудшения является партийная коррупция.

На сегодняшний день из государственных структур уходят лучшие кадры только потому, что они не являются членами той или иной партии. В результате в министерствах не остается профессионалов, соответственно, они не могут внедрять и имплементировать рекомендации или предложения гражданского общества, и на этом все останавливается.

Мы пытались работать с комитетами, с депутатами и объяснять им, что назначение на должности только представителей партий приводит к краху государственного устройства. К сожалению, члены парламента это не хотят воспринимать.

До этого мы боролись с одним видом коррупции, а теперь появилась еще и партийная коррупция.

Перед нами стоит вопрос: можно ли повысить ответственность депутатов перед налогоплательщиками? Если раньше можно было через мандатные округа призывать к ответственности и оказывать давление, то сегодня сложилась система партийно-кланового управления, и нет механизмов для контроля. Одна фракция не хочет идти против другой фракции, они стараются покрывать друг друга.

Это замкнутый круг. Хотя не все так плохо, есть и позитивные примеры, когда благодаря личности депутата что-то можно продвинуть, но в целом в парламенте круговая порука. Раньше единственным механизмом, оказывающим давление на

исполнительную власть, были депутаты, но он изо дня в день становится слабее, и очень много сил уходит на преодоление депутатского сопротивления и партийно-клановую коррупцию.

Механизм контроля за деятельностью парламента. В исполнительной ветви власти нет профессионалов, люди, которые там работают, знают, что их защитит партия. Фактически государственные органы не прислушиваются к мнению гражданского общества.

На данный момент перед гражданским обществом стоят новые вызовы. Неправительственный сектор оказался не готов работать в такой изощренной системе.

Я считаю, что сегодня нужно думать о другой конструкции, которая могла бы удовлетворять потребности населения.

К сожалению, в Кыргызстане становится все меньше правозащитных организаций, а проблем из-за того, что государственная система не работает, становится больше. Правозащитные организации, кроме выполнения своей основной миссии, вынуждены выполнять еще и общественную работу, которая, кстати, приводит к износу данных организаций. Зачастую они получают финансирование на решение одной проблемы, а работают по решению десяти проблем. Это тоже долго не может продолжаться. Многие молодые люди не хотят работать в НПО, так как работы много, а зарплата маленькая, поэтому перед правозащитным сообществом стоит вопрос: как вовлечь молодых, смелых и инициативных людей в очень важные процессы. К сожалению, многие молодые профессионалы уезжают работать за границу.

Нурлан Садыков: Мне было очень интересно послушать ваши выступления. Я не соглашусь с тезисом о том, что НПО распиливает государственный бюджет. Вообще государственный бюджет – это «священная корова», к которой доступ запрещен.

Есть определенные государственные программы по оптимизации государственного управления, и там выделяются средства для проведения независимых, аналитических исследований, на эти средства привлекаются независимые эксперты и НПО.

Хочу согласиться с тезисом, что Общественные наблюдательные советы сегодня формируются не по принципу профессиональной компетентности сотрудников. Это важная структура, но необходимо определиться, чем должен заниматься ОНС, надо четко ограничивать деятельность, нельзя прямо вмешиваться в деятельность государственных органов власти. Сейчас в ОНС проникают лица, которые являются аффилированными с этой структурой. Такие проблемы необходимо решать.

Хочу согласиться с тем, что в НПО, которые занимаются судебной реформой, государственным управлением, парламентаризмом, должны работать профессионалы, к этому необходимо подходить очень ответственно.

Но не могу согласиться с тем, что НПО должны быть профессиональными только в этих сферах, потому что есть сфера защиты прав человека, НПО, которые работают в этой сфере, называют watchdog («сторожевые псы»), и не обязательно быть профессионалом в сфере государственного управления. Когда нарушаются права человека, необходимо бить тревогу и звонить в колокола.

Хочу согласиться с мнением по поводу усиления поддержки местного самоуправления. Система МСУ сегодня осталась на прежнем уровне. Уровень децентрализации почти такой же, как при авторитарных режимах Акаева и Бакиева.

Мы недавно проводили проект касательно децентрализации местного самоуправления и подсчитали, что около 30 законов полностью дублируют функции государственных органов и органов

местного самоуправления. Дублированность с точки зрения управления неэффективна, а с политической точки зрения то, что можно обременять МСУ государственными полномочиями без источника финансирования, — это большая проблема. Мы показали депутатам данный исследовательский проект, но никакой реакции не последовало, лишь на одном Круглом столе были слова о том, что государство будет проводить работу в этом направлении. Неправильно выстроенное местное самоуправление — это источник социальной напряженности в обществе.

Недавно премьер-министр заявил о возврате института губернаторов, но данный институт не предусмотрен Конституцией. И когда он говорит, что в районах надо создать местные кенеши, это тоже абсурд. Районы — это не местное самоуправление, а государственное управление, где не должно быть местных кенешей. Когда в политическом пространстве выдаются такие перлы, не знаешь, как быть и что делать.

На сегодняшний день борьба с коррупцией осуществляется фрагментарно. Поймали взяточника, поймали депутата — это правильно, но борьба с коррупцией должна быть системной. У нас нет системных механизмов для борьбы с коррупцией. Посмотрите, как принимаются решения по выдаче лицензий, разрешений. Лицензии отбираются и выдаются без соответствующих процедур, такое обычно происходит в неправовых и недемократических государствах. Должны быть процедуры, которые являются основой правового государства.

Анар Мусабаева: К сожалению, даже в экспертном сообществе очень мало серьезных исследований, которые изучают феномен гражданского общества в Кыргызстане. Мы не достигли такой стадии, когда само гражданское общество, те же некоммерческие организации, среди которых представлены достойные и профессиональные люди и «интеллектуальные сливки общества», рефлексируют на эту тему. Поэтому мы видим целый букет проблем разного характера, связанных с отношениями госуправления и

гражданского общества, отношениями гражданского общества и населения.

Выступающие говорили о том, как родилось гражданское общество в лице некоммерческого сектора в Кыргызстане. Я согласна с тем, что это был внешний проект. Сложилась очень удобная историческая конъюнктура, распался СССР, железный занавес разрушился, у западных стран появились идеалистические представления о том, что в отдельно взятой стране Центральной Азии можно построить «островок демократии», и хлынул поток помощи, который был направлен на то, чтобы по западной модели создавать некоммерческие организации. Кыргызстан получал достаточно большой объем финансовой помощи на поддержку гражданского общества и демократических процессов.

Беда нашего общества в том, что система распалась, а мы привыкли патерналистически относиться к государству, которое все за нас решало с детского сада до пенсии. Но теперь государство не в состоянии все это обеспечивать, и патернализм перенесся на донорские организации. Патернализм остался и негативно сказался на становлении гражданского общества. Гражданское общество насаждалось как внешний проект, и они думали, что будет демократическая структура, начинали внедрять западные модели менеджмента в некоммерческом секторе, организационное и институциональное развитие. Проект был внешний, но он пришел на местную почву, и сама структура неправительственных организаций строится во многом на наших социальных институтах, во многом неформальных. Неправительственные организации в большинстве своем – это семейный бизнес. Это противоречивым образом связано с вопросом о профессионализации НПО. Хорошо это или плохо, учитывая, что это становится бизнесом?

Если рассматривать гражданский сектор, под которым мы подразумеваем некоммерческий сектор, НПО как сферу занятости, то как быть с тем, что вы предлагаете перекрыть кислород?

Многие люди, которые работают в неправительственном секторе, скажут, что они платят налоги государству, создают рабочие места, там сосредоточены большие интеллектуальные ресурсы. В нашей стране неправительственный сектор можно рассматривать как сектор занятости, с этой точки зрения неправительственный сектор для государства очень полезен. И когда говорится, что нужно перекрыть кислород, то речь идет просто о контроле финансовых потоков.

Неправительственные организации болезненно относятся к теме подотчетности и ответственности. В ходе моего общения с руководителями и сотрудниками 25 крупных неправительственных организаций в Кыргызстане выявились некоторые интересные моменты.

Когда я спрашивала у них о подотчетности, многие говорили: «А почему мы должны быть подотчетными, разве мы “съедаем” миллионы, как государство?». В последнее время, разговаривая с разными лидерами неправительственных организаций, я замечаю, что люди об этом думают, и многие организации говорят, что начнут публиковать свои финансовые отчеты, например, как это делает Фонд «Сорос-Кыргызстан». Они понимают, что это очень важно, потому что это влияет на имидж и репутацию организации.

В Парижской Декларации по повышению эффективности внешней помощи предложили переориентацию донорских средств на прямую бюджетную поддержку. Но в нашей стране это может привести к большим проблемам.

Относительно МСУ я полностью согласна. МСУ – это и есть гражданское общество, но введение институтов губернаторов аргументируют неуправляемостью страны. У нас в стране есть центробежные тенденции, неуправляемость, и все нововведения подобного характера аргументируются тем, что надо усиливать вертикаль власти. Это серьезный вопрос, как на эти вызовы

отвечать. С одной стороны, важно иметь оптимальную вертикаль власти, которая обеспечивала бы управляемость страны и ее целостность, но в то же время необходимо развивать децентрализацию и развитие МСУ. Пока что нет серьезного размышления и анализа, данные вопросы не рассматриваются в комплексе.

Адиль Турдукулов: Вначале я хотел бы сказать несколько слов об Америке. Никто не спорит, что это демократическое государство, несмотря на то, что там очень сильный институт президента. Я думаю, что она является неким образцом демократии, потому что там очень сильны неправительственные организации, так как Америка была создана на основе неправительственных организаций. Прежде чем появилось государство, люди переселялись и создавали группы по интересам, решая свои проблемы. Точно также сейчас, если два-три человека видят проблемы, они объединяются не на основе клана или трайба. Мне кажется, сила Америки в этом и заключается. Статистика это подтверждает. В Америке зарегистрировано около полутора миллионов неправительственных организаций.

Другое дело Кыргызстан. Мы постсоветская страна, и во многом мышление и институты советские. Я не вижу тех институтов, которые по-настоящему прижились бы в Кыргызстане, в том числе и неправительственные организации.

Валентин Борисович в одном из прошлых выступлений говорил о том, что проблема Кыргызстана во многом заключается в том, что политическую повестку дня определяют внешние, а не внутренние игроки через неправительственные организации. Это проблема для Кыргызстана, потому что внешние интересы не совпадают с национальными интересами страны.

Приоритеты размываются и деформируются, потому что люди чувствуют и понимают, что многие неправительственные

организации занимаются не самыми проблемными вопросами. Объясню на примере ЖКХ. Я не вижу ни одной неправительственной организации, которая работает в этой области. Я интересовался этим вопросом. Единственный закон, регулирующий эту сферу, был разработан в 1983 году. Почему до сих пор к мэрии не предъявляется никаких претензий со стороны жильцов: за разбитые окна, за грязные подъезды, из-за того, что падают сосульки? Нет никакой административной ответственности за это. А эту роль, я думаю, должны выполнять, прежде всего, неправительственные организации, которые бы выступали посредниками между жильцами и органами, выполняющими данные функции. Это касается всех сфер жизнедеятельности, включая ямы на дорогах и все бытовые вопросы, которые, на мой взгляд, являются приоритетными для жителей страны.

Ноокатбек Идрисов: Есть хороший раздел на сайте ЦРУ «The world factbook», открытый для всех. Там можно прочитать информацию о каждой стране. Там написано, что из 219 стран мира только 35-40 – это развитые страны с довольно высоким уровнем жизни. Остальные 80 процентов – это развивающиеся или бедные страны, как наша. Не всем странам удается хорошо организовать свою жизнь, и мы находимся в числе таких стран. К сожалению, даже после апрельской революции 2010 года мы неправильно начали строить свой фундамент, недочеты есть и в Конституции, которая не обеспечивает независимость судебной ветви. За всеми этими проблемами стоят непрофессионалы.

Но, с другой стороны, найти профессионалов в нашей стране очень тяжело. Семьдесят лет мы жили при уникальном строе, в котором не было демократии, соответственно, не было людей, обладающих знаниями о том, как строить демократическую страну. Абсолютно права Динара, которая сказала, что власть не знает, как, к примеру, поднять экономику. В то же время НПО неспособны предложить какие-то альтернативные решения. Я член ОНС при Министерстве экономики, и мы пытаемся предлагать альтернативные решения , но нас власти пока не слушают. Я

согласен с Динарой, можно было бы нам чаще собираться и вырабатывать правильную позицию по тому или иному направлению.

Улан Рыскельдиев: Во-первых, не надо делать вид, будто у нас есть какая-то национальная повестка дня по поводу донорства в сфере НПО. Доноры платят, они и диктуют условия. Это будет продолжаться очень долго. Нет у нас внутренних источников финансирования, чтобы формировать национальную повестку, поэтому НПО обслуживают интересы зарубежных государств. Власть, которая заботится о своей национальной безопасности, должна интересоваться, куда идет финансовая помощь. НПО-сектор важен для страны, поэтому за ним надо наблюдать либо же осуществлять полноценное сотрудничество.

Сейчас НПО-сектор сращивается с властью. Самый крупный потребитель услуг НПО – это Жогорку Кенеш. Сейчас уже нет стран, в которых бы не побывали депутаты, и это все благодаря НПО, которые через парламент проталкивают свои идеи.

Когда неправительственные организации соберутся, начнут дискуссии, то необходимо с разных сторон посмотреть на сложившуюся ситуацию. Необходимо задаться вопросами: насколько мы должны быть требовательны к донорской помощи, насколько мы должны быть ответственными перед гражданами при использовании этой помощи?

Эдиль Осмонбетов: На мой взгляд, НПО-сектор обладает одним позитивным качеством – он более мобилен, чем государственные структуры, и может помочь государству справиться со сложившейся в политической сфере ситуацией.

Динара Ошурахунова: У нас в обществе существует тотальное недоверие, им заражены все слои общества, начиная от президента, заканчивая бомжем. В этом случае сложно строить какие-то дискуссии и продвигать какие-то инициативы.

Конструктивного взаимодействия с властью не будет до тех пор, пока нет стабильности. Нет стабильности не только в государстве, но и во властных структурах. Только НПО построили конструктивное взаимодействие с одним министром, его меняют. Только наладишь сотрудничество с каким-либо комитетом, происходит развал коалиции.

Я согласна, что мы после 2005 года стали осуществлять свою работу только в рамках проектной деятельности. Если до 2005 года еще была миссия, то ограничение ресурсов загоняет людей в ситуацию, когда они вынуждены работать только по проектам. НПО – это способ занять население, самого себя, или ты уезжаешь, или ты создаешь себе рабочее место. И ждать от неправительственных организаций отстаивания каких-то принципов в такой ситуации не видится мне возможным.

Я не согласна, что сектор НПО монополизирован, потому что неправительственные организации не занимают всю гражданскую сферу. Продвигать какую-то инициативу может кто угодно, но зачастую мы видим одних и тех же лидеров НПО. Соответственно, у государственных органов есть бренды, которые постоянно используются. Никто не хочет искать какую-то новую организацию, хотя есть множество организаций, работающих по схожим направлениям.

Наша организация – это общественное объединение, все остальные НПО – это общественные фонды. Это совершенно разные вещи, потому что у общественного объединения больше обязательств перед государством. В общественном объединении должны быть сменяемость, членские взносы.

До 2005 года НПО пытались стать финансово устойчивыми. Мы сдавали членские взносы, но оказалось, что наши членские взносы облагаются налогами. В этом смысле государство не дало возможности неправительственному сектору стать финансово

устойчивым.

В фонде может быть всего один учредитель, он не обязан отражать прозрачность бюджета, поэтому фонды фактически не отчитываются. Общественные объединения обязаны это делать. У нас есть всего 10 организаций, в которых сменяются лидеры.

Относительно утверждения о том, что НПО создаются для того, чтобы войти во власть, с этим я не соглашусь. У нас были яркие примеры, когда нашим лидерам неправительственного сектора предлагали должности, но они не пошли во власть.

Сращивание с властью и сращивание с партией – это совсем разные вещи. В основном, все НПО сконцентрированы в Бишкеке и на юге. В Нарыне и на Иссык-Куле НПО фактически нет. Раньше они существовали и занимались обучением молодежи. Как только НПО закрылись, на их места пришли религиозные организации. Самое важное упущение НПО – это сфера образования. Все НПО – это школы гражданского лидерства, если в неправительственной организации вырастает один хороший лидер, то это просто замечательно.

Ноокатбек Идрисов: То, что люди, которые раньше работали в НПО, могут стать политиками, – это хорошо. Даже в западных учебниках это приводится как положительный пример. Я не согласен с тем, что НПО внедряют в Кыргызстане политику других стран. Во времена Акаева, Бакиева, даже в этом году инициировали дискриминационные законопроекты против иностранного финансирования. Мы всегда говорим: «Приведите хотя бы один пример, когда НПО, используя чужие деньги, нанесли вред Кыргызстану». За 20 лет никто не смог привести такой пример. Во всех странах мира есть свободный режим, в любой стране разрешается иностранное финансирование НПО.

Данный Круглый стол был организован в рамках проекта

«Продвижение демократических ценностей среди молодежи» при поддержке Национального фонда в поддержку демократии (NED).

Вернуться на главную / Версия для печати